

С. В. Перевезенцев

*доктор исторических наук, профессор
факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова,
член бюро Президиума ВРНС*

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Историческое сознание — сложный социально-психологический феномен, включающий в себя множество различных элементов: память о прошлом, политические, социальные, общенациональные и региональные оценки прошлых событий, образы исторических героев, традиции, исторические знания, символы, предметы и др. Историческое сознание присуще различным социальным группам: нациям, классам, сословиям, религиозным объединениям, корпорациям, кланам, профессиональным и даже антиобщественным объединениям (например, уголовным и т. п.). Зачастую именно историческое сознание играет важнейшую роль в определении отдельным человеком или социальной группой собственной идентичности и, как следствие, заметно влияет на выбор политических, социальных, религиозных и даже бытовых предпочтений. Источники формирования исторического сознания разнообразны: историческая память, фольклор, религиозные учения, историческая мифология, официальные государственные концепции, научные интерпретации, произведения литературы, искусства и архитектуры и др.

Историческое сознание — вполне устоявшееся явление, опирающееся на традиционные исторические ценности, но в тоже время явление очень гибкое, податливое влиянию как извне, так и изнутри, меняющееся в зависимости от различных внешних обстоятельств. Огромную роль в формировании исторического сознания играет государственная политика в области истории, реализуемая через систему образования, культуру, средства массовой коммуникации, поддержку тех или иных религиозных учений и др. Однако всегда существовали, а в современном мире намного расширились возможности негосударственного и антигосударственного влияния на историческое сознание. К примеру, любая универсалистская идеология, претендующая на всемирную гегемонию, предполагает целенаправленные действия по размыванию и даже уничтожению традиционного национального, государственного или религиозного исторического сознания с целью замещения в сознании людей традиционных представлений о прошлом

собственным видением истории («история — это борьба классов»; «история — это борьба за права человека» и др.). Подвержено историческое сознание и влиянию отдельных социальных групп, которые представляют собственные групповые или корпоративные исторические приоритеты как общезначимые. Поэтому историческое сознание во все времена было и продолжает оставаться ареной борьбы различных социально-политических сил с целью утверждения определённых целей исторического развития, ведь борьба за историю — это всегда борьба за настоящее и будущее.

Понимание сущности исторического сознания, его форм и процессов развития зависит от религиозно-философских предпочтений и методологических принципов тех или иных мыслителей, политических, религиозных, общественных деятелей. В данной работе невозможно охарактеризовать все аспекты исторического сознания и продемонстрировать все подходы к анализу его сущности. Поэтому историческое сознание будет рассматриваться в определённых рамках: во-первых, с позиций традиционалистско-консервативной методологии¹; во-вторых, как явление, прежде всего, национальное, т. е. как историческое сознание народа; и, в-третьих, на примере развития исторического сознания русского народа, т. е. с учётом русской национальной специфики.

* * *

Давно замечен один интересный феномен: в России все дискуссии, будь то споры о проблемах экономики, актуальной политики, культуры и о чём-либо ещё, довольно быстро превращаются в споры об истории. Видимо, это неизбежно, ибо без обретения определённого единства в решении исторических вопросов трудно обрести единство в решении вопросов современности и самое главное — в вопросах о будущем. Следовательно, для существования русского народа и Российского государства большое, если не решающее значение имеет единое историческое сознание.

Причины подобной значимости единого исторического сознания для России, думается, можно найти в далёкой древности. Дело в том, что у славянских народов ещё в очень древние времена основой социума стала территориальная или соседская община, члены которой были связаны не столько кровным родством, сколько общей хозяйственной

¹ Традиционалистско-консервативная методология предполагает сохранение в современном мире традиционных идеалов, ценностей, религий с опорой на национально-государственные интересы народов мира; подразумевает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособлению к новым жизненным условиям.

жизнью, общей территорией, духовными и культурными предпочтениями. Более того, в такой общине вполне по-соседски уживались выходцы не только из разных племён, но даже выходцы из разных народов, т. е. этнически отдалённые друг от друга. Но подобные исторические феномены обернулись тем, что практически у всех славянских народов отсутствует память о дальнем кровном родстве.

В самом деле, большинство русских обычно помнят своих родственников максимум до четвёртого-пятого колена, а дальше... или тишина, или надо проводить специальные изыскания. В то же время представители какого-либо кавказского или тюркского народа всегда готовы рассказать о далёких предках, включая прародителей, потому что память о них трепетно хранят семейные и родовые предания. А, к примеру, в скандинавских сагах перечислены имена предков из 30–40 предшествующих поколений. У русской же элиты, бояр и дворян, первые родословные появились только во второй половине XVI века, да и то чаще всего они были выдуманными, особенно в том, что касалось происхождения родов. Тогда было «модным» придумывать себе иноземных прародителей: с одной стороны, вроде бы почётно вести свой род от какого-нибудь знатного иностранца, а с другой, пойдя, докажи, что это не так, ведь в Московской Руси практически ничего не знали о генеалогических связях Западной Европы. Самый яркий пример такой придуманной генеалогии — родословная сначала бояр, а потом царей из рода Романовых, начало которой возводили к мифическим предкам, выехавшим на Русь «из Пруссии» в начале XIV века. Подобные истории случались и позднее, причём на вполне официальном уровне. Так, в начале XVIII века по заданию Петра I была придумана мифическая родословная его любимца Александра Даниловича Меншикова, который благодаря этой выдумке получил титул светлейшего князя Священной Римской империи. Основное же русское население (крестьяне) даже фамилии получило только в XVIII–XIX веках в ходе ревизских переписей, до этого каждое новое поколение прозывалось или по имени деда, или по профессии какого-то недавнего предка, или по его прозвищу. Отсюда среди русских столь много Ивановых, Кузнецовых да Зайцевых.

Таким образом, одним из кардинальных качеств русского национального сознания является не «родство по крови», а «*родство по истории*». А от ответов на исторические вопросы зависит не только современное положение, но и будущее русского народа, более того, само существование русского народа. Поэтому можно признать, что, в отличие от многих иных народов, у русских, как, впрочем, и у большинства других славян, вместо «крови» одним из объединяющих начал наряду с образом единой Земли, единым языком, единой верой, общей куль-

турой и единым государством является и *единое историческое сознание* (то самое «родство по истории»).

Единое историческое сознание — это целый комплекс важнейших исторических событий, единая оценка которых отточена веками общей исторической судьбы, а признание этой оценки и обозначает, собственно говоря, принадлежность к народу; это и вполне реальное ощущение человеком причастности собственной, отдельной, частной судьбы к чему-то большому, значимому, великому, причастности современных поколений к исторической судьбе своего народа, понимание ими собственной исторической и нравственной ответственности за свою землю и свой народ перед прошлыми и будущими поколениями.

Само по себе единое историческое сознание состоит из нескольких условных «уровней». В основе «родства по истории» лежит *общая историческая память народа*. Общая историческая память народа — это чувство (осознанное или неосознанное) единства исторической судьбы народа и потому самая распространённая форма исторического сознания, чаще всего существующая в виде чувственных образов, представленных в различных устных и письменных источниках (преданиях, сказаниях, былинах, поговорках, песнях, литературных и художественных произведениях и т. д.). Историческая память возникает в далёкой древности, но существует на протяжении всего времени исторического бытия народа, в том числе и в современном его состоянии. Именно в силу своей чувственной природы историческая память часто противоречит научному историческому знанию, ведь для неё далеко не всегда важны точные даты и места тех или иных исторических событий, реальные имена участников этих событий и даже реальность самих исторических личностей. Более того, историческая память народа существует преимущественно в мифологизированном виде и иной быть не может, ибо миф — это обыденное и совершенно нормальное состояние исторической памяти народа. К примеру, в исторической памяти русского народа очень популярен исторический персонаж Владимир Красное Солнышко. Но ведь это персонаж русских былин, а значит, собирательный образ древнерусского князя X–XIII веков, имеющий мало общего с реальными историческими личностями. Однако даже в научной литературе иногда можно найти отождествление былинного Владимира Красное Солнышко с историческим киевским князем Владимиром Святославичем, Крестителем Руси (ум. в 1015 г.), а в обыденной исторической памяти народа князь Владимир Святославич чаще всего и присутствует под прозвищем «Красное Солнышко».

Помимо того, что историческая память может противоречить научному историческому знанию, она ещё и внутренне противоречива. По-

добная внутренняя противоречивость исторической памяти особенно характерна для больших народов, проживающих на обширных территориях и контактирующих в различных регионах своего проживания с иными народами. По этой причине возникали и параллельно существовали, во-первых, многообразные варианты общих исторических преданий, и, во-вторых, локальные предания, не имеющие аналогов. В русской исторической памяти, наверное, самым ярким локальным преданием можно считать «Слово о полку Игореве» (XII век). В этом памятнике, с одной стороны, отражена древнейшая южнорусская историческая и религиозная мифология, восходящая к IV веку н. э. и не имеющая аналогов ни в русских, ни в других славянских преданиях, а с другой — никак не отражена уже существовавшая к тому времени летописная версия русской истории, представленная в «Повести временных лет».

На определённом этапе существования народа, чаще всего в период создания государства, возникает необходимость в структурировании народной исторической памяти и создании определённой концепции истории, отвечающей государственным интересам (в первую очередь, интересам правящего рода). Постепенно из разных вариантов исторических преданий в ходе их целенаправленной редактуры складывается *официальная государственная интерпретация истории*, которая по мере утверждения в сознании народа начинает оказывать решающее влияние на формирование его исторического сознания.

В истории России было несколько официальных интерпретаций отечественной истории, которые последовательно сменяли друг друга. В первые века существования Древнерусского государства (с конца IX по XI век) в историческом сознании населения различных регионов существовали разные представления о том, «откуда пошла Русская земля и кто на Руси стал первым княжить». На северо-востоке, в Новгороде, придерживались версии о призвании варягов Рюрика с братией, а на юге, в Киеве, считали отцом-основателем некоего Кия со своим семейством. Этот спор очень ярко отражён в «Повести временных лет» — первой русской летописи, где присутствуют обе версии. Но были несогласные и с этими двумя легендарными преданиями. Так, одни «несогласные» (среди которых был, например, первый русский митрополит Иларион (XI век), автор знаменитого «Слова о Законе и Благодати») первым русским князем считали князя Игоря Старого. Другие «несогласные», в том числе неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве», родоначальником русов называли некоего Трояна, то ли языческого бога, то ли мифического предка, а саму Русскую землю именовали «землёй Трояна»¹.

¹ Нужно отметить, что это разнообразие представлений о прошлом было во многом связано с тем, что население древнерусского государства в этот период со-

Судя по всему, рождению *первой официальной интерпретации русской истории* мы обязаны, прежде всего, князьям Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1053–1125) и его сыну Мстиславу Владимировичу Великому (1076–1132). Это были два последних князя, борющихся за общерусское единство, и последние правители единого Древнерусского государства. Именно в годы их правления и, возможно, по их заданию в первой четверти XII века русские книжники-летописцы в Киеве свели различные исторические представления, легенды и предания славянских и неславянских народов в единый текст «Повести временных лет», тем самым создав первую единую интерпретацию отечественной истории. Тогда, во-первых, были определены специфические черты Русской земли, а во-вторых, отечественная история впервые была «вписана» во всемирную и, прежде всего, христианскую историю, было определено место Русской земли в христианском мире.

Наконец, именно тогда были сведены в единую последовательную цепь событий разные версии возникновения Древнерусского государства («Русской земли») и разные версии происхождения русского княжеского рода. Какие-то боковые варианты генеалогии киевских князей были отброшены (например, фигуры Аскольда, Дира и Олега, которых стали именовать не князьями, а «боярами» и «воеводами». Следствие этому — отсутствие названных фигур на памятнике «Тысячелетия России», поставленному в Великом Новгороде в 1862 году). Зато выделялась главная фигура — общим предком всех русских князей объявлялся Рюрик. И это притом, что, судя по всему, до конца XI века в Киеве мало кто что-то знал о Рюрике, а летописцам пришлось искусственно связывать между собой узами родства Рюрика и Игоря, отстоящего от своего «отца» минимум на два поколения!

Со временем предложенная авторами «Повести временных лет» интерпретация отечественной истории стала общепризнанной и затем включалась во все последующие летописи как повествование о начальных этапах существования русского народа (самый ранний вариант «Повести временных лет» сохранился в Лаврентьевской летописи, известной в рукописи XIV века). Немного позже именно эта интерпретация русской истории наряду с единой православной верой помогла русскому народу выстоять в трагическую годину ордынского владычества и сохранить сначала призрачную, а в дальнейшем всё более реалистичную надежду на возрождение русского единства, в том числе и единства государственного.

стояло из разных этнических групп, даже некоторые славянские племена (например, поляне и древляне) заметно отличались друг от друга традициями и обычаями.

Впрочем, нужно иметь в виду, что на Руси во все времена существовало несколько летописных центров. В XI–XIII веках при изложении и оценке современных им и некоторых исторических событий между собой спорили Киев, Новгород, Ростов, Галич и др., да и в Киеве по-разному смотрели на историю, например, отлично друг от друга интерпретировали события прошлого и настоящего книжники Десятинной церкви и Киево-Печерского монастыря. В XIV–XV веках в северо-восточной Руси соперничали московские и тверские летописцы, кроме того, специфические взгляды на современность и историю сохраняли новгородские и псковские летописи. Эти разные летописные традиции повлияли на формирование последующих официальных и научных интерпретаций отечественной истории¹.

Ещё более значимой для благодатного развития русского народа и Российского государства оказалась *вторая официальная интерпретация истории*, возникшая в XVI веке. Причиной её возникновения стали изменившиеся исторические обстоятельства: в конце XV столетия Русская держава обрела независимость и после падения в 1453 году Византийской империи осталась единственным в мире независимым православным государством. Именно поэтому в начале XVI века в России происходит какой-то невероятный по силе и последствиям духовный и интеллектуальный взрыв — церковные и светские мыслители начали напряжённейшую работу по поиску нового места Русского государства и русского народа в мировой истории.

Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических комплексов и образов («Третий Рим», «Новый Израиль», «Новый Иерусалим», «Святая Русь»), в которых нашли своё выражение все смысловые и целевые установки исторического бытия России и русского народа на земле. А в русской книжной традиции появились важнейшие основополагающие исторические сочинения: «Сказание о князьях Владимирских», «Лицевой летописный свод», «Никоновская летопись», «Степенная книга царского родословия» и множество других значительных произведений, на идейной основе которых потом выросло Русское царство, а затем росла Российская империя. Официальная интерпретация, созданная в XVI веке, оказала наибольшее влияние на формирование русского

¹ Например, первый русский историк В. Н. Татищев (XVIII век) свою «Историю Российскую» писал, опираясь в основном на региональное летописание, а Н. М. Карамзин (XIX век) при создании «Истории государства Российского» использовал преимущественно общегосударственное летописание. В результате у обоих историков трактовка одних и тех же событий заметно отличается. Эта черта характерна и для современной исторической науки: оценка тех или иных событий во многом зависит от привлечённых тем или иным исследователем источников.

исторического сознания, предложив современникам и потомкам основную периодизацию, основные оценки и основных героев отечественной истории, которые во многом сохранились до нашего времени.

Причём Романовы, став царствующей фамилией в XVII веке и не имея прямого кровного родства с Рюриковичами, тем не менее, всячески подчёркивали и обосновывали своё родство с предшествующей династией, что позволило им перенести на себя все сакральные, символические и легендарные представления, которые в русском сознании были связаны с царствующим от века родом Рюриковичей.

В то же время в этот период продолжали существовать *неофициальные интерпретации истории*: во-первых, до начала XVII века в отдельных центрах сохранялось собственное летописание с оригинальными трактовками исторических событий, во-вторых, с середины XVI века стали появляться историко-политические сочинения различных авторов, представляющих собственные интерпретации истории и современности (например, сочинения А. М. Курбского). Эти неофициальные интерпретации сыграли свою роль в формировании последующих концепций отечественной истории.

В XVIII столетии в ответ на многообразные преобразования русской жизни в ходе реформ Петра I и Екатерины II возникает не просто *третья интерпретация*, а скорее, *целый комплекс новых интерпретаций отечественной истории*. При этом различные интерпретации существуют параллельно и оказывают примерно одинаковое влияние на историческое сознание народа.

Прежде всего, создаётся *научная интерпретация отечественной истории*. Появление научной интерпретации было неизбежным: смысловые и целевые установки бытия России необходимо было понять с точки зрения нового рационалистического мировоззрения. Поэтому существовавшие до той поры религиозные духовно-политические концепты отечественной истории были отброшены, а в понимании истории постепенно утверждался так называемый «научный подход», т. е. рациональный, критический взгляд на прошлое.

Начало этому положил первый русский историк В. Н. Татищев (1686–1750), а продолжилось дело в трудах М. М. Щербатова (1733–1790), Н. М. Карамзина (1766–1826), М. П. Погодина (1800–1875), Н. Г. Устрялова (1805–1870), Н. И. Костомарова (1817–1875), С. М. Соловьёва (1820–1879), В. О. Ключевского (1841–1911), С. Ф. Платонова (1860–1933) и других, теперь уже профессиональных историков. Важная особенность научной интерпретации состояла в том, что в ней не было никакого единства, ибо всякий историк или выстраивал собственную концепцию истории России, или же примыкал к уже суще-

ствующей, развивал и дополнял её. Таким образом, в этот период появляется сразу несколько научных интерпретаций отечественной истории, объединённых только общим методологическим подходом — все они строились на рационалистических, научно-критических началах.

Кроме того, в XVIII — начале XX века существовало несколько *официальных интерпретаций истории*, последовательно сменявших друг друга. Причём они создавались на основе той или иной научной интерпретации, но редактировались в определённом духовно-политическом ключе при непосредственном участии российских императоров (особую заинтересованность в этом проявили в XVIII веке Пётр I и Екатерина II, в XIX веке — Николай I). Наиболее влиятельными нужно признать интерпретацию Н. М. Карамзина, а также официальные интерпретации, предложенные авторами гимназических учебников: Н. Г. Устряловым (курс русской истории, XIX век), Д. И. Иловайским (курс русской истории, вторая половина XIX века), С. Ф. Платоновым (курс русской истории, начало XX века).

После революционных событий 1917 года и установления советской власти создаётся новая, *четвёртая официальная интерпретация отечественной истории* — «марксистская». При этом в СССР изначально были запрещены иные трактовки истории, а их последователи подвергались репрессиям (можно вспомнить печально знаменитое «Академическое дело» 1929–1931 годов, по которому пострадали академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и многие другие историки).

Эта интерпретация основывалась всё на тех же рационалистических началах, но поначалу довела их до абсурда: в первые годы советской власти в интересах подготовки населения к мировой революции предшествующая история России вообще отрицалась или же приобретала причудливые формы, как, например, в сочинениях «главы марксистской исторической школы в СССР» академика М. Н. Покровского. Только в середине 1930-х годов, когда большевистское руководство отказалось от идеи мировой революции и сосредоточило силы на собственной стране, появился госзаказ на разработку концепции отечественной истории. Как следствие, в 1940–1950-е годы массовому общественному сознанию была предложена вполне внятная конструкция под названием «История СССР». Иначе говоря, вновь «сверху» была установлена гегемония одной из возможных интерпретаций истории. Однако нужно иметь в виду, что даже в рамках марксистской идеологии в советской исторической науке продолжались многочисленные дискуссии по различным историческим проблемам, и в целом советские историки внесли весомый вклад в развитие мировой исторической науки, особенно в области экономических и социально-политических исследований.

После распада СССР в России установилась ситуация «исторического плюрализма»: при отсутствии официальной интерпретации сосуществовали и дискутировали между собой различные научные, религиозные, идеологические и даже ненаучно-фантастические¹ интерпретации отечественной и мировой истории. По мнению различных политических сил и общественных движений, «исторический плюрализм» обернулся настоящей «исторической вакханалией», и возникла опасность разрушения единого исторического сознания народа, а значит, угроза существованию народа и государства. Ответом на эти опасения стала так называемая «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», которая должна послужить основой создания комплектов учебников для общеобразовательных школ. Впрочем, в научном сообществе идея разработки новой официальной интерпретации истории была воспринята скептически, а в некоторых случаях — критически. Думается, поэтому и сама «Концепция» получилась очень рыхлой по структуре и противоречивой по содержанию. Таким образом, на сегодняшний день вопрос о разработке новой официальной интерпретации истории России, которая послужила бы дальнейшему существованию и развитию единого исторического сознания народа, остаётся открытым.

* * *

Как можно видеть, споры об истории велись на Руси всегда, с самых стародавних времён. Но периодически удавалось вырабатывать некое единое представление о прошлом, некую признаваемую всеми (или большинством) интерпретацию истории. И затем на основании такой интерпретации прошлого выстраивалось будущее России, а сама эта интерпретация становилась частью общего исторического сознания народа. Со временем появлялась новая интерпретация, которая дополняла, развивала или же заменяла собой предыдущую. Но в любом случае эта интерпретация становилась важнейшим фактором дальнейшего движения России и русского народа по историческим дорогам.

На каких принципах может строиться новая интерпретация истории России? Сегодня принято считать, что единственно верным является научное знание истории, т. е. научная интерпретация, ибо именно научное историческое знание, основанное на критическом осмыслении источников, представляет некое объективное видение исторических событий. Следовательно, научное знание — это вершина исторического сознания народа. Иначе говоря, на первый план выдвигается именно *знание, обоснованное рационалистическими, научными методами.*

¹ Имеются в виду «Новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, «Русские веды» А. И. Асова и др.

В подобном убеждении есть большая доля истины, однако не следует думать, что историческое сознание народа можно свести лишь к научному знанию. Всё-таки историческое сознание народа — намного более сложное явление, нежели какая-либо из научных интерпретаций истории. Более того, научное знание и не может претендовать на то, что сумеет вытеснить из исторического сознания народа всякую историческую память. Прежде всего потому, что наука не является обладательницей абсолютной истины, ибо наука — это собрание относительных истин (концепций, теорий, гипотез), каждая из которых основывается на определённой системе рациональных доказательств. Научное понимание любого предмета познания, в том числе и истории, предполагает равноправное существование различных трактовок, различных интерпретаций одних и тех же сюжетов. Вот почему не существует и, скорее всего, даже не может существовать «единственно правильной» и на все века принятой научной интерпретации истории вообще и отечественной истории в частности. Обязательно параллельно или вслед существующей появится другая научная интерпретация, создатели которой будут считать её столь же «единственной» и «правильной». А там и до третьей недалеко, до четвёртой, и так до бесконечности¹.

Собственно, именно так обстоит дело в науке вообще и в исторической науке в частности: одновременно сосуществуют различные интерпретации как всей истории России, так и отдельных исторических периодов, сюжетов, событий, а сама историческая наука — это поле постоянной, непрекращающейся дискуссии. При этом различные интерпретации истории разнятся не только по степени приближения к исторической правде, но и по своим задачам, целям, по уровню общественного влияния и т. д. И по-другому в науке быть не может, да и не должно быть. Наука ведь только предлагает власти и обществу разные решения, разные пути, разные интерпретации прошлого, однако любой более или менее окончательный выбор — за самим обществом и властью. Впрочем, так было всегда, во все времена и у всех народов.

¹ Вообще, нужно чётко разделять три степени условного «искажения» исторической действительности, учитывая ограниченные возможности человеческого познания вообще и исторического познания в частности. Первая степень — это «*интерпретация*», т. е. стремление в наибольшей степени отразить историческую реальность на основе имеющихся различных источников и определённого теоретического осмысления; но при этом сохраняется понимание относительной истинности этой «интерпретации». Вторая степень — «*мифологизация*», т. е. абсолютизация какой-то одной «интерпретации» как единственно правильной, отрицание иных «интерпретаций», стремление утвердить данную «интерпретацию» в качестве общепринятого понимания прошлого. Наконец, третья степень — «*фальсификация*», т. е. преднамеренное и сознательное искажение исторической реальности в политических, научных, групповых или каких-либо иных интересах.

Следовательно, только лишь *рациональное историческое знание* нельзя считать *единственной формой* единого исторического сознания. Но тогда какую именно интерпретацию истории можно рассматривать как основу для сохранения и развития единого исторического сознания народа? В данном случае *главным критерием* является необходимость сохранения и дальнейшего существования народа в истории, а значит, на первый план выходят такие понятия, как субъектность народа в истории, национальный и духовный суверенитет, традиционные ценности, национальная, религиозная, социальная, политическая самобытность и др. В таком случае меняется и понимание самой науки истории. С традиционалистско-консервативной точки зрения история — это наука, раскрывающая смысл исторического развития, а значит, наука о том, как с помощью знания и понимания прошлого устроить жизнь настоящую и будущую во имя жизни вечной.

С этой точки зрения оказывается, что далеко не все интерпретации истории «одинаково полезны». К примеру, одни интерпретации могут служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Другие же, наоборот, своим гиперкритицизмом или же ориентацией на иные, не традиционные для России ценности, могут способствовать дальнейшей атомизации российского населения и разрушению Российского государства.

Есть и ещё один сложный момент. Как уже говорилось, разные интерпретации истории как важнейшие составляющие исторического сознания по-разному влияют на дальнейшее историческое развитие страны и народа. В частности, первые две официальные интерпретации отечественной истории (возникшие в XII и XVI веках соответственно) сыграли выдающуюся роль в истории России, обеспечили идейное и духовно-политическое становление и развитие русского народа и Российского государства. Но обе эти интерпретации не были научными. И первая, и вторая интерпретации истории были построены не столько на фактическом материале (хотя и с использованием определённых фактов), сколько на религиозной истине и исторических мифах, иногда даже созданных русскими любомудрами и затем введённых ими в историко-политический обиход. Например, в начале XVI века усилиями ряда русских мыслителей (по имени мы знаем только одного из них — некоего Спиридона-Савву) была создана мифологизированная версия происхождения династии Рюриковичей от римского императора Августа, которая считалась абсолютной истиной в XVI–XVII веках и даже была перенесена на новую царскую династию Романовых, не имевших к Рюриковичам никакого отношения. Казалось

бы, наши предки сильно погрешили против «исторической правды». Но вот парадокс! Именно эти духовно-политические концепты и историко-мифологические сюжеты стали идейной основой всей будущей Российской империи и идейным обоснованием прорыва России в мировое пространство. Иначе говоря, подобный подход к осмыслению истории и утверждение подобного понимания российской истории в общественном сознании играл немалую, а иногда и решающую роль в мощном поступательном движении России по историческим дорогам.

И наоборот, возникшее в XVIII–XIX веках научное, т. е. «правильное», критическое (иногда — гиперкритическое) отношение к собственной истории, отказавшееся, казалось бы, от исторических мифов, сыграло свою значительную роль в подготовке крушения и Российской империи, и комплекса традиционных русских ценностей в начале XX века. Та же история повторилась и в конце XX столетия: «марксистская» интерпретация истории, при всей своей претензии на научность, оказалась сплошь мифологичной. Но снова парадокс: именно этот советско-марксистский исторический миф в своё время значительно помог социалистическому строительству в России, однако со временем он потерял свои творческие силы и единое историческое сознание советского народа, сформированное марксистской схемой, разрушилось под напором иных научных интерпретаций истории. А вслед тому рухнул и Советский Союз.

Казалось бы, эти примеры доказывают обратное тому, что утверждает автор: научное историческое знание демонстрирует своё громадное преимущество перед мифологичностью традиционного исторического сознания, а значит, в современную эпоху только наука и может служить основой общенародного восприятия прошлого. Но следует иметь в виду, что утверждение истинности одного лишь рационального подхода к изучению истории — это или искренне заблуждение, или же намеренный обман. Заблуждение или обман заключаются в том, что всякая научная интерпретация также не лишена мифологии, тем более если эта интерпретация является частью некоей исторической концепции, построенной на определённых религиозно-философских методологических основаниях. А всякая абсолютизация какой-либо одной научной интерпретации истории — это уже целенаправленное создание нового либо возрождение одного из старых мифов.

Иначе говоря, противоречие между традиционным и научным представлением об истории не разрешается в результате победы одной из интерпретаций над другой, потому что в этом случае торжествует лишь какой-то очередной миф, причём с претензией на абсолютное преобладание.

Все эти рассуждения вовсе не означают, что научное понимание истории — это плохо, а мифологическое представление — хорошо (или наоборот). Это всего лишь напоминание о том, что упование на всемогущество науки и человеческого рационального знания вообще, — тоже миф. И ограниченность научного понимания окружающего мира и, в частности, ограниченность научного понимания истории нужно принимать как таковые. Поэтому строго научное представление об истории — это всё-таки дело относительно узкого круга профессиональных историков, которые понимают всю сложность и неоднозначность исторического познания, владеют специальными методами и методологиями и готовы к обоснованной защите своей точки зрения в дискуссиях со своими столь же подготовленными коллегами.

Но если говорить об историческом сознании народа, о том, как себе представляет историю бóльшая часть общества, невозможно обойтись без признания того, что в этих представлениях значимую роль продолжает играть *историческая мифология как важнейшая часть общей исторической памяти*, а значит, и единого исторического сознания. И в этом нет ничего плохого и страшного. Попытаться превратить историческую память в исключительно «научную» — это не только очередной миф, но и разрушение исторической памяти, а значит, уничтожение народа, намеренное разрушение его национальной и духовно-политической идентичности.

Думается, что нынешнее поколение отечественных историков стоит перед необходимостью разработки и создания новой интерпретации русской истории, такой интерпретации, которая смогла бы стать идейной основой возрождения народа, помогла бы народу осознать своё место в новом мировом пространстве и которая была бы основана не только на научном знании, но и на традиционных ценностях русского народа и всех народов России¹.

¹ Вариант такой интерпретации отечественной истории представлен в работах автора: *Перевезенцев С. В.* Россия. Великая судьба. М., 2003; *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального сознания. М., 2007; *Перевезенцев С. В.* Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII века. М., 2015; *Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015; а также в курсе учебников для общеобразовательных школ: *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России с древнейших времен до начала XVI века: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М., 2009; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XVI—XVIII века: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М., 2010; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XIX век: Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. М., 2011; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России. XX — начало XXI века: Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2012; *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России с древнейших времен до конца XIX века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 2013.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137